

Татьяна Коростышевская

БЕЛЫЙ ТИГР В ДОЖДЛИВЫЙ ВТОРНИК...
УЕЗДНЫЙ ДЕТЕКТИВ. НЕЗВАНЫЙ ГОСТЬ

Цикл

«Владычица ветра»

ВНУЧКА БАБЫ ЯГИ

НЕВЕСТА КАЩЕЯ

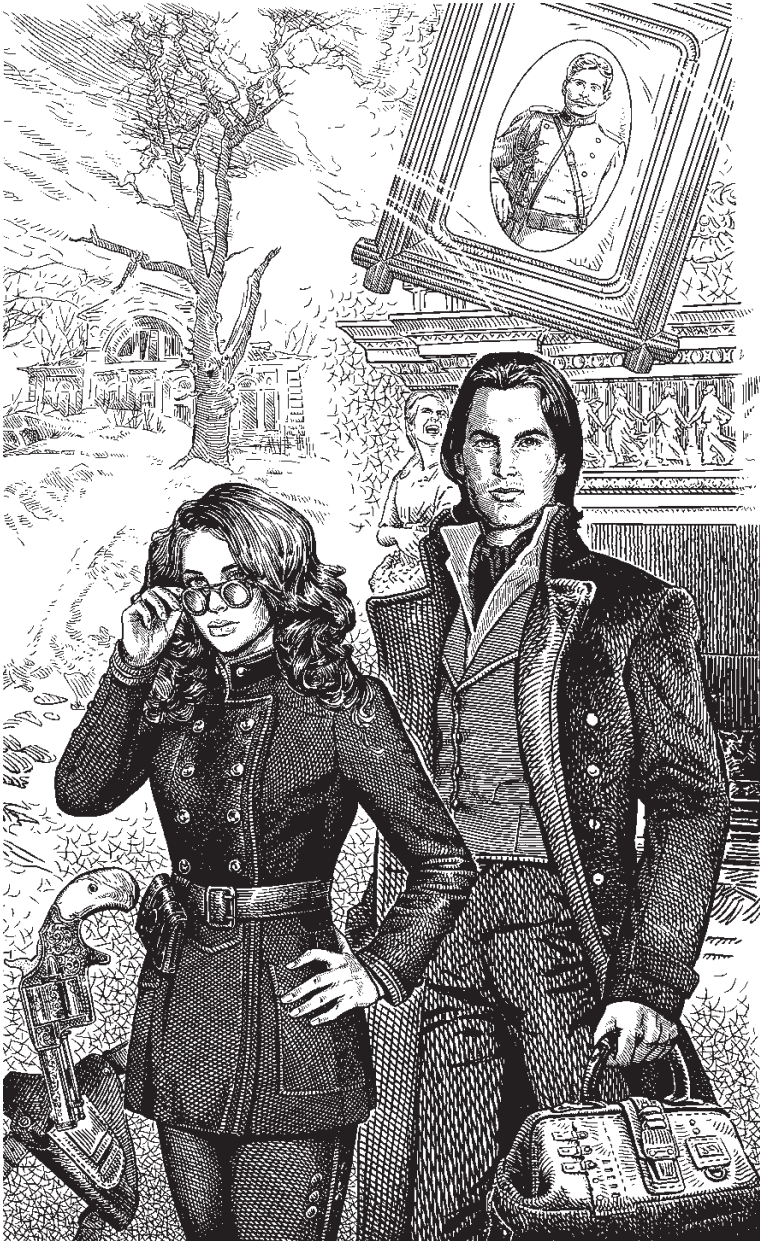
МАТЬ ЧЕТЫРЕХ ВЕТРОВ

Дилогия

«Берендийский сыск. Серафима Абызова»

КИСЕЙНАЯ БАРЫШНЯ

ОГОНЬ БЛАЖЕННОЙ СЕРАФИМЫ

ГЛАВА ПЕРВАЯ,
*в коей некий сыскарь с разбитым сердцем
прибывает в провинциальный Крыжовень*

Карта Всадник описывает общительного и активного человека. Он интеллектуален, независим, с ним никогда не бывает скучно. Такой человек легко входит в контакт, находит знакомых и друзей. Ему не чужды любезность и тактичность. Он уверен в себе и готов проявлять инициативу.

*Таро Марии Ленорман.
Руководство для гадания и предсказания судьбы*

Расклад нынче выпадал странный, что так, что эдак. Захария Митрофановна даже кликнула Дуньку, девку свою, чтоб колоду, значит, сняла.

— Чегой это, барыня? — спросила Дунька, шурясь на расписные картинки. — Никак сызнава повешенный?

— Дура, — ругнулась старуха беззлобно, — дерево это, значит, про родню вспомнить надобно.

— Племяш в столицах чудит? Али в гости вашего соколика ждать?

— То-то и оно, что по картам иного полу гость получается, гляди, к дереву всадник притулился, а к нему карта женская легла.

— Дык а баба откуда? Из родни-то у вас только Митрофанушка, брата покойного сыночек, и остался.

— Поживем — увидим, — решила мещанка Губешкина, более известная в Крыжовене как провидица Зара, и аккуратно собрала колоду в резной ларчик. Инструменты свои она предпочитала содержать в порядке.

Гость, а точнее, гостья явилась в дом на Архиерейской улице под вечер. Тренькнули колокольцы извозчичьих саней, грубый мужской голос пробасил под окном:

— Туточки, барышня, ваша тетушка проживают.

Дунька, прилипшая к заиндевелому стеклу, сообщила барыне:

— Девица, шубка на ей, шапочка. Ванька сундук с саней тащит, сейчас в дверь колотить примется.

— Отворяй, — велела Захария Митрофановна, кутаясь в узорную неклюдскую шаль.

Девка выскользнула в сени, завозилась, обувая валенки. Раздался уверенный стук в дверь, скрипнули петли, в комнату потянуло морозцем.

— Гостью вам, Дуняша, привез, — басил ванька, — из самого Мокошь-града барышня, тетушку, говорит, проведать желаю любезную.

Губешкина выглянула в сени.

— Сундук сюда, мил-человек, да снег допрежь с ног обколоти, не носи в дом.

Девица потопала за порогом, обувка у нее была не особо по погоде, кожаная, тонкая. Вошла, прищурилась над запотевшими стеклышками очков, зыркнула на нетопырье чучело над столом, на шар хрустальный, высмотрела в красном углу икону и чинно на нее перекрестилась.

— Дражайшая моя Захария Митрофановна, — прожурчала приветливо, с протяжным столичным «а», — неужто забыли Гелюшку свою непутевую?

Извозчик, поставив багаж в гостиной, мялся теперь в сенях, ожидая платы за услугу. Старуха молчала, ей было интересно, как «непутевая Гелюшка» дальше выкрутится. Она не подвела, вынула из муфты денежку, с поклоном протянула ваньке, да не забыла носочком ботильончика на порожек ступить, чтоб, значит, через порог не передавать, плохих примет не множить.

— Спасибо, мил-человек, куда надо доставил. Моя родственница, как сейчас помню эти очи черные, с родитель-

ской заботой на наши шалости с кузеном Митрофанушкой вззирающие.

Извозчик бормотал спасибо на спасибо.

— Вы, барышня, как нужда в санях будет, меня кличьте, Антипом меня звать, любому уличному постреленку велите или вот Дуняше тутошней, сразу примчусь и доставлю, куда скажете. А к Кузьме не садитесь, ненадежный он человек.

— Буду иметь в виду, — пообещала девица, сбрасывая на руки Дуньке лисью шубку; муфту придержала, ловко перекладывая ее из руки в руку. — Ступай, Антип, может, успеешь на станции еще пассажиров взять. У вас в Крыжовене, тетушка, оказывается, спрос на гужевой транспорт опережает предложение. В форменную баталию пришлось с каким-то неучтивым господином за сани вступить.

Платьице на гостье было ладное, шерстяное, серое, со шнуровой витой отделкой, на плечи из-под лисьей папахи свисали ярко-рыжие локоны. Экая модница. Столичная штучка.

Зеленые глазищи остановились на Губешкиной, и старуха громко велела:

— Дунька, дура, двери-то запри, чтоб, значит, любимую племянницу не морозить. Да чаю поставь с дороги.

Пока ванька Антип уходил, а девка возилась в сенях, рыжая медленно пересекла комнату.

— Простите, — вздохнула она тяжело, — этот маскарад, Захария Митрофановна.

— Все развлечение, — решила старуха и быстро спросила: — В муфте что прячешь?

— Заметили? — Девица села, положила на стол глухо стукнувший меховой цилиндр. — Митрофан Митрофанович предупреждал меня о том, что его тетушка обладает быстрым умом. Мы с вашим племянником коллеги, в одном присутствии службу несем.

Вернувшаяся в комнату Дунька испуганно ахнула, когда из муфты появился черный вороненый револьвер.

— Позвольте отрекомендоваться, — девица стянула перчатки, ее пальцы быстро отшелкивали что-то в смертоносном механизме, — чиновник седьмого класса чародейского приказа, надворный советник Евангелина Романовна Попович.

Дунька ахнула сызнава, баб-чиновниц ей раньше видеть не приходилось, как и баб-сыскарей.

— На кухню ступай, — велела старуха, — чаю спроворь, да чего еще к чаю, баранок там, варенья брусничного... Что еще? Буженины. Третьего дня от Старуновых занесли. А прознаю, что ты этому Антипу лошаднему хозяйские разговоры передаешь, накажу.

Девка ушла. Сыскарка отложила револьвер.

— Спасибо, Захария Митрофановна.

— Давай уж по-простому, без отчества, — хмыкнула Губешкина. — Родня как-никак. Тетушкой кличь. А я тебя, значит, Гелюшкой.

Попович улыбнулась и сняла очки.

— Митрофан уверял, что есть в вас авантюрная жилка.

— Письмо-то от племянничка доставила?

— А как же! — Евангелина достала из поясного кармашка запечатанный конвертик. — Только там о деле моем ничего не сказано.

Губешкина поддела сургуч кончиком изогнутого жертвенного кинжала.

— Оно и понятно.

«Тетушка Захарочка, — писал Митрофан своим каллиграфическим почерком, — прости меня непутевого, что давно тебя корреспонденцией не баловал. Весь в делах, весь в заботах. Начальство по самую маковку работой завалило. Даже четверти часа, чтоб на почтаamt забежать, не находится. Хорошо хоть оказия с Гелей образовалась...»

Пока хозяйка читала, Дуняша накрывала на стол. Сыскарка, заметив опасливые взгляды прислуги, револьвер убрала.

— Значит, вольская родня? — уточнила Губешкина, сворачивая письмо.

— Седьмая вода на киселе, — кивнула барышня. — Вы уж и думать о нас забыли.

— В столицу зачем приехала?

— Кузена разыскивала. На родине мне оставаться было никак не возможно.

— Скандал?

— Перфектно, — одобрила Попович, не чинясь, налила из самовара, придвинула блюдо с бужениной. — Незамужние барышни обычно от скандалов бегают.

— Несчастливая любовь. А про подробности ты говорить не желаешь.

— Ну да. И сам скандал тоже не обсуждаем. Предположим, по официальной легенде, сиротка явилась за пожилой тетушкой присмотреть. В это, разумеется, не поверит никто, а вот в тщательно скрываемые и случайно выясненные обстоятельства бегства — с удовольствием.

— В вашем чародейском приказе все такие хитрые? — усмехнулась Губешкина. — Тогда племяннику карьеру у вас в жизни не сделать.

Геля прожевала кусок буженины и сказала серьезно:

— Митрофан прекрасный секретарь, сметливый, скромный, аккуратный. Может, его взлет не будет молниеносным, но по ступенькам он поднимется основательно.

— Утешай старуху.

— Не вижу тут старух, тетушка, — притворно удивилась рыжая льстица. — Наблюдаю лишь симпатичную женщину и добропорядочную берендийку, содействующую силам правопорядка.

Дунька переминалась у порога, прислушиваясь. Захария Митрофановна велела ей исчезнуть и обернулась к госте.

— Самое время о содействии поговорить. За какой надобностью в Крыжовень из столицы целого надворного советника отрядили?

Попович сложила перед собой руки, на мизинце правой чернело пятнышко ружейной смазки.

— Надобность прозывается Блохин Степан Фомич.

— Пристав покойный? Так он в начале грудня еще... — Губешкина подыскала подходящее слово, — в петлю полез.

— Берендийские почтовые службы оставляют желать лучшего, — кивнула девушка, — сообщение о его кончине было получено нами только третьего дня. Меня прислали выяснить обстоятельства смерти.

— Целого надворного советника? — недоверчиво переспросила хозяйка.

— У покойного господина Блохина в столице кое-какие связи имелись, в регулярной переписке он состоял. Досадно, но его послание от пятого грудня в чародейский приказ доставили одновременно с вестью о самоубийстве.

Губешкина о персоне, с коей покойник корреспондировал, спросить хотела, но передумала. Меньше знаешь, крепче спишь. Эх, Митрофан, удружил тетушке, ничего не скажешь. Кажалось, похоронили пристава за оградой погоста, как самоубийцу и положено, да и забыли. Ан нет, вон оно как. Чиновник седьмого класса, это вам не ежик чихнул. Девка неглупая, с револьвером управляет, слова правильные говорит. Но девка. Небось если б в столицах к Блохину с большим вниманием отнеслись, мужика бы прислали. А Геля эта что? Ну поживет с неделю, носик свой любопытный куда-нибудь сунет, да и отбудет восвояси. А Захарии за помощь — почет и благодарность, да, может, Митрофану по службе вспоможение малое.

— Понятно, — протянула наконец старуха, вызвав у собеседницы грустную и не относящуюся к разговору улыбку, будто это «понятно» о другом человеке ей напомнило. — Спрашивай, Евангелина Романовна, обо всем без утайки тебе поведаю и обо всех.

На столе будто по волшебству появился блокнотик в кожаном переплете, а в руке надворного советника — свинцовый карандаш.

— Погоди писать! — Хозяйка откинула крышку резного ларца. — Давай для начала на тебя картишки раскину, барышня Попович. А ну колоду сдвинь, да не этой рукой, левой, к себе... правильно. Сейчас тебе провидица Зара всю правду скажет, что было, что будет, чем сердце успокоится.

Начальник чародейского приказа Семен Аристархович Крестовский смотрел на соломинку в своей руке с таким видом, будто она в любой момент могла выстрелить.

— И у тебя длинная, — сообщил Эльдар, глядя в пространство, — значит, в Крыжовень ехать Геле.

Я кивнула, сжала кулак, разламывая свою соломинку, и бросила сор под столешницу, в корзину для бумаг.

— Судьба, — пожал плечами Иван Иванович.

Чардеи! (Никак не получалось от вольского просторечия окончательно избавиться, вот я их так мысленно и называла — чардеи.) Каждый из них в этой жеребьевке подколдовывал, к гадалке не ходи. Но, к счастью, против простого шулерства колдовства еще не изобрели. Только и требовалось самой банк держать, то есть четыре абсолютно одинаковых соломинки в кулаке, да позволить коллегам прежде меня вытащить.

— Значит, так, сыскарики, — сказал Крестовский деловито, — жребий этот мы сейчас обнулим, и назначим...

— Протестую! — перебила я начальство. — Вы, шеф, своим обнулением выказываете обидное недоверие своей подчиненной.

— И что? — сверкнул Семен синими глазищами.

Взгляд я выдержала и даже не разревелась.

— А то, ваше превосходительство, что прочие ваши подчиненные могут начать то же самое выказывать. Правильно-де, нечего женщин в провинцию откомандировывать, не женское это дело. А от этого всего шаг до мысли, что в приказе слабому полу не место. Мысли, заметьте, крамольной, высочайшему указу нашего императорского величества противоречащей.

Уголкем глаза я заметила недоверчивое внимание, с которым на меня уставились Зорин с Мамаевым. Мой верно-подданнический тон обмануть их не мог.

— Уж не собираетесь ли вы, Евангелина Романовна, — сказал Крестовский самым неприятным своим голосом, — в следующем пассаже упрекнуть меня в том, что-де не умею службу от личной жизни отделять?

Честно говоря, подобная тирада у меня к финалу была припасена, так сказать, на погоны. Поэтому я замотала головой, выражая на лице незамутненную придурковатость, столь ценимую любым начальством:

— Как можно, Семен Аристархович?

Зорин, по обыкновению, выступил примирителем.

— Сдается мне, дама и господа, не с того начинаем. Ты, Семен, сперва нас в дело посвяти, а после решим, кого отправить.

— Протестую! — повторила я в который раз за день. — То есть против последней части, Иван Иванович. Исполнитель избран жребием, и теперь именно его, то есть меня, ввести в курс надо.

Шеф отвернулся, оседлал стул в центре ковра, обвел присутствующих взглядом.

— Неужели название Крыжовень вас ни на какие идеи не натолкнуло?

Меня натолкнуло на мысли о варенье с последующим слюноотделением, но я говорить этого не стала.

— Да не томи уже! — Эльдар придвинул стул поближе к моему столу, чтобы Крестовскому не приходилось вертеть головой из стороны в сторону.

— Степка Блохин? — вдруг спросил Зорин. — Ординарец твой? Ты ему, кажется, в этом Крыжовене местечко околоточного выхлопотал.

— Семушка никого заботами не оставляет, — шепнул мне смешливо Мамаев, — особенно братьев по оружию, денщика даже к должности пристроил. Крыжопень, надо же! Ох, прости, Гелюшка, все забываю, что ты дама.

— Я все слышу, Эльдар,— сообщил Крестовский кисло. — Будешь над начальством потешаться, сам в эту тьмутаракань поедешь, да не просто так, а чтоб занять освободившееся место тамошнего пристава.

— Не околоточный? — уточнила я, черкая в блокноте. — Пристав? Блохин Степан... Как по батюшке?

— Фомич. Блохин Степан Фомич, отставной прапорщик.

— Женат? Дети есть?

Как бы шеф не был на меня зол, деловитость ему очень нравилась. Я же писала, чтобы смотреть на строчки, а не на львиногривого своего действительного статского советника. Служба и личная жизнь, как вас разделить? Эх, Геля, решать тебе что-то пора. Потому что не делится оно, хоть тресни.

— Нет, — ответил Крестовский. — Блохин холост и бездетен, а с грудня шестого числа еще и мертв.

Я обвела первую строчку траурной рамкой.

— Когда узнали?

Шеф хмыкнул.

— Нынче утром, когда запросы из Змеевичской управы разбирал.

Начало грудня, а сегодня у нас двадцать пятое число лютаго. Три месяца. Однако работа нашей почты оставляет желать лучшего. Дождутся, ироды, конкурентов, гнумы давно в сенат предложение о частных письмодоставках внесли. Глядишь, к осени вопрос и решится.

Я записала дату и «уезд Змеевичи», к которому относился упоминаемый Крыжовень.

— Причина смерти?

— Официально — самоубийство.

— Наследники имеются?

— Дальние родственники, но им, по понятным причинам, ничего не перепадет. Сам Степан богатства не нажил.

Ну да, если бы этот Блохин на службе жизни лишился, то и пенсия его и что-нибудь за выслугу перешли бы по наследству, а так... Кошмарная ситуация. И позор.

— Но ведь господин пристав не сам руки на себя наложил? — спросил Мамаев. — Иначе мы бы сейчас не заседали.

— Давай, Семен, — Зорин поглядел на часы, — карты на стол. Ты со Степкой, земля ему пухом, явно письмами обменивался.

Выхватить замусоленный конверт я успела первой. Мокш-град, Кресты, его превосходительству... лично в руки... Ну и почерк!

— Пятое грудня? — Цифры на штемпеле оказались отчетливы. — За день до смерти? Когда пришло?

— Нынче, — вздохнул шеф.

Чтоб как-то утешить начальство, я сообщила ему о гнумах и частных инициативах, кои непременно придут на смену берендийскому почтовому ведомству, в то же время извлекая и разворачивая на столешнице листок в косую линейку, исписанный с одной (я проверила) стороны казенными синими чернилами.

Мамаев заглядывал мне через плечо, скрип стула возвестил, что Иван Иванович покинул насиженное местечко, чтоб полюбопытствовать.

Обязательных приветствий в письме не было, как и абзацев и заглавных букв.

«Плохо дело, — писал покойный, — обложили твари злые, заморочили».

Дальше шло нечто неразборчивое. Голоса? Точно. «...загробный голос будто из подпола...» Тыщцы? Это, наверное, тысячи. Многие тысячи там припрятаны. Где там? Под полом? Еще какие-то он и она. Он грозился, а она хохотала демонски.

О покойниках плохо думать нельзя, но кто так предсмертные послания пишет? Вот я, например, список с именами составлю подробный, чтоб после сыскари сразу знали, кого допрашивать.

Внизу странички стояло:

«Ежели, вашбродь, Степку вашего оговаривать примутся, что сам в петлю на осиновом суку полез, то не верьте, не таков я человек, и не поминайте лихом».

Выпрямившись и отдав письмо для изучения Зорину, я обратилась к шефу:

— С каких пор господин Блохин должность пристава занимал?

— Три с половиной, почти четыре года.

— Писал часто?

— Не часто, но регулярно. Предвосхищая вопросы, Евангелина Романовна, переписку такого рода я хранить обыкновения не имею. Поэтому придется вам обойтись устным пересказом. Степан мой родом из тех мест, хутор его, к несчастью, полностью обезлюдел, поэтому Блохин попросился служить в Крыжовене и был тем доволен. Его письма, исключая последнее, были толковы и благодущны. Жизнь в провинции ему нравилась, местные жители проявляли приветливость, природа... — Крестовский махнул рукой. — Чистая идиллия. В прошлом году среди обычной буколки стали появляться разные околослужебные вопросы. Просил, к примеру, проверить некоего господинчика, бойкую торговлю паровозными акциями наладившего.

— Ветку железнодорожную до Змеевичей добросили, — сказал Мамаев, уже разглядывающий со вниманием настенную карту, — как раз в это время.

— Как звали господинчика? — спросила я.

— Федор Игнатьевич Химеров, — без запинки ответил шеф, — мещанин, родом из Нижнеградской губернии, действительно маклер.

На всякий случай я это все записала.

— Еще что Блохин спрашивал?

— Просил прислать ему чародейских стекол, сквозь которые рунную вязь разглядеть можно.

— То есть сам он чародем не был? — спросила я для проформы.

— Был, Геля.

Дернув на себя ящик стола, я достала свои очки с чародейскими стеклами, водрузила их на нос и отобрала письмо у присевшего на освободившееся подле меня место Ивана. Я-то ни разу не чародейка.

— Теперь видишь? — спросил Зорин с сочувствием и показал, куда смотреть. — Это аркан на Семена, чтоб только он конверт распечатать мог, это на скорость. Он, кстати, наложен прескверно.

— Вот-вот, — поддакнул шеф. — А как тебе, Ванечка, призыв к стихиям с ошибкой в каждом втором символе?

— Он для чего? — сняла я очки.

— Не для чего, — ответил Зорин. — Он пустышка, навряд ли детской считалочки.

— Мнемотехника. — Семен сочувствие ко мне, чарами обделенной, тщательно скрывал. — Помогает неофитам запомнить графический рисунок основных рун.

— А еще, — зловеще протянул Эльдар, стоя у карты, — ходят среди нашего вида колдунского слухи, что бережет сей призыв нас от безумия чародейского. Сдается мне, сыскарики, наш Степан покойный разум по капле терял и того боялся.

Эльдар Давидович воткнул в карту алый бумажный флажок, будто точку в разговоре поставил, вернулся к столу, прогнал Зорина, сел рядом со мной.

— На месте разбираться надобно. — Крестовский оглядел нас по очереди. — Прибыть в Крыжовень инкогнито, осмотреться, народ расспросить. После войти в контакт с местным присутствием, бумагу официальную им показать. Что-де прибыли из столицы одного из нижних чинов до пристава повесить.

— Перфектно, — решила я и смешалась под укоризненным взглядом начальства.

Мое паразитное словечко Семен Аристархович не обожал.

— Знаешь, букашечка, — Эльдар одарил меня заговорщицкой улыбкой, его «букашечки» тоже признавались у

нас паразитными, — а ведь тебе и вправду в Крыжовень соваться не стоит.

Мое «протестую!» было жалким.

— Сама посуди, — продолжал Мамаев под одобрительным взглядом начальника приказа, — прибыть инкогнито, то бишь незаметно. Одинокая барышня привлечет нежелательное внимание.

— Барышня может переодеться кем угодно, — холодно улыбнулась я, — бродячей неключкой, безутешной вдовой, мальчишкой-разнорабочим, в конце концов.

Семен фыркнул. Я переводила взгляд с одного чародея на другого. Эльдар глумливо щурился, Иван качал головой, шеф попросту ждал любых моих слов, чтоб заржать.

— Простите, что вмешиваюсь, — из темного угла раздалось неуверенное покашливание, — но, кажется, я мог бы поспособствовать Евангелине Романовне сохранить инкогнито.

Про Митрофана мы забыли по прискорбному нашему обыкновению. Секретарь Губешкин был юношей скромным до полного растворения в пространстве. Он, оказывается, с самого начала совещания сидел тише мыши в уголке и только сейчас подал голос.

Крестовский уже открыл рот, чтоб что-то эдакое сказать. Секретарь боялся его до обморока, и я, этого самого обморока опасаясь, проговорила первой:

— Извольте, Митрофан Митрофанович, я вся внимание.

Семен рот закрыл. Мамаев мне подмигнул, наши с шефом духоборческие экзерсисы его забавляли.

Секретарь сызнава откашлялся.

— Я, господа, и Евангелина Романовна, некоторым образом из упомянутых мест.

— Можно немного точнее, Митрофан? — не сдержался шеф. — Что еще за некоторый образ? Вы родились здесь, в Мокошь-граде.

— А батюшка мой...

Секретарь начал бормотать себе под нос, я его подбодрила:

— Ваш достойный покойный родитель из Змеевичского уезда?

— Нет, — шепнул Митрофан.

Крестовский гаденько усмехнулся, но секретарь заговорил чуть громче, и улыбка начальства растаяла.

— Тетушка у меня там проживает, в Крыжовене. Захария Митрофановна, благодетельная старуха самых передовых взглядов.

— Любопытно, — решил Мамаев, — и что же, эта дочь Митрофана гостье из Мокошь-града не удивится?

— Сказано было, — шикнула я на коллегу, — передовых взглядов барыня.

— Она некоторым образом, — секретарь покраснел, — гадалка.

Шеф хмыкнул.

— Шарлатанка?

— Что вы, ваше превосходительство, дар провидческий тетушке положен.

— Семен Аристархович просит прощения, — улыбнулась я елеино, — за то, что вашу родственницу невольно нехорошим словом обидел. Гадалка, это пер... это расчудесно. Вы, Митрофан, черкните пару строк любимой тетушке: так, мол, и так, кузина Гелечка письмецо с оказией доставит, про жизнь свою поведайте.

— Кузина?

— Притворимся ненадолго, что у Захарии Митрофановны кроме племянника еще и племянница имеется, седьмая вода на киселе, но все ж родня. Гадалка! Да к ней в дом наверняка половина города за предсказаниями хаживает. Лучшего места, чтоб осмотреться, и не придумать.

— Может, все-таки кузен, а не кузина? — предложил осторожно Зорин.

— Геля права, — вздохнул шеф, — в этой ситуации девушка вызовет меньше подозрений.

— Солома не врет! — поддержала я. — То есть жребий и судьба.

— Понятно, — закончил совещание Крестовский своим паразитским словечком и поглядел на часы. — Иван, немедленно отправляйся в имперскую канцелярию, там какие-то сверхсекретные документы нас ожидают. Сам хотел забежать, да не успеваю. Эльдар, знаю, что не по чину, но будь любезен, спустись к дежурному, протелефонируй оттуда в вокзальную управу, пусть выпишут для Евангелины Романовны отдельное купе до Змеевичей. Или можно до самого этого Крыжовеня?

— Разберусь, — махнул рукой Мамаев и вышел за дверь.

Зорин запер шкаф с документами и теперь надевал зимнюю чиновничью шинель, стоя у настенного зеркала.

— Меня у извозчика обожди, — попросил Крестовский, — нам почти по дороге.

— Митрофан, — позвала я, — присаживайтесь поближе, нам с вами долгий разговор предстоит.

— Разработайте легенду, — кивнул шеф, — простенькое что-нибудь, без театральных эффектов. Вы, Губешкин, расскажете все, что о тетушке помните, а вы, Попович...

Чинопочитание во мне очень развито, лишь поэтому я не зарычала на непрошенные советы, а вежливо попрощалась с Иваном. Крестовский вибрировал как железный прут на морозе, с ним такое бывало, если дело спорилось.

Мне стало грустно. Дело его я знала, а лучше б не знать. «Почти по дороге». От имперской канцелярии через площадь наискосок в приказ темнейшего Брюта. Сама там утром с визитом была. Что там говорил Юлий Францевич?

— Ровно к пяти после полудня примчится ко мне ваш великий Семушка.

Я посмотрела на часы. Без четверти.

— Евангелина Романовна, — велело весело начальство, — вы уж дождитесь меня нынче.

— Всенепременно. У меня как раз бумажной работы накопилось. Допоздна ждать?

Семен ответил беззвучно, шевеля губами:

— За каждую минутку рассчитаюсь.

Я покраснела томно. Этими губами со мною обычно и рассчитываются.

Шеф убежал, я отдышалась и приступила к опросу. Со мной наедине Митрофан был гораздо бойчее, да и на «ты» мы перешли безназорно. Про тетушку он помнил немного, в Крыжовене у нее гостил в столь юном возрасте, что запомнил лишь чучело нетопыря у нее над столом. Виделись в последний раз на похоронах Митрофана Митрофановича Губешкина, секретаря разбойного приказа. Я выразила соболезнования и отложила карандаш.

— Родительскую стезю для себя избрал? Похвально.

— Почерк у меня больно замечательный, — смутился Митрофан.

— Исключительный, все про то говорят.

Дверь кабинета отворилась, впуская Эльдара Давидовича.

— Хорошая новость: прямой поезд существует, тот же, что и до Змеевичей, похуже — ходит он раз в неделю, и совсем плохая — следующего неделю ждать.

— То есть, — заметила я, — сегодняшний уже ушел?

— В семь отходит, — вздохнул Мамаев.

— Так два часа еще!

— Геля, — погрозили мне пальцем. — С бухты-барухты такие дела не делаются.

— На извозчике на квартиру, — вскочила я и принялась суетливо прятать в стол бумаги, — платье в сундук побросать — и сразу на вокзал! Митрофан, не спи, пиши письмо, сургуч вон возьми запечатать.

— У тебя билета даже нет, — напомнил Эльдар.

— В кассе куплю.

Рукава шинели путались, я, чертыхаясь плохими словами, пыталась попасть в них.

— Готово, — сказал секретарь, оставляя на коричневой кляксе отгиск гимназического перстня.

— Спасибо, — схватила я конверт. — Документы на должность пристава, которые Семен Аристархович выдать обещал, следом вышли, почтой. Только на адрес тетушки, а не в местную управу. Это важно.

— Как раз на морковкино заговенье дойдут. — Мамаев тоже одевался.

— Так наложите на них ваши скоростные арканы, господа великие чародеи. Хоть какой от вас толк будет, — огрызнулась я. — Ты куда собрался?

— Провожать, — галантно ответил Эльдар. — Ругаться с носильщиками, убеждаться, что попугчики тебе попались не совсем злодейского вида, а пуще прочего, скрываться от разъяренного начальства, которое непременно шкуру с меня спустит за то, что тебя отпустил.

— Остынет, — пообещала я, — еще раньше, чем встретишься.

Секретарь на дорожку меня перекрестил.

Извозчика взяли приказного, не сани, легкий фаэтон с обмотанными по зимнему времени цепями колесами. Чародей еще пассы некие руками произвел для легкости хода и во избежание скольжения.

— Давай, букашечка, — предложил Мамаев, когда повозка тронулась с места, — расскажи дядюшке Эльдару, что с тобою приключилось.

— Задание у меня, дядюшка, вот что.

— С самого утра места себе не находишь, глаза красные, стало быть, ревела, смеешься громко, да все невпопад, — перечислил чародей. — Вчера спокойна была, свидание тайное предвкушала. Или кавалер, тот самый тайный, обидел?

Я посмотрела в спину возницы.

— Мне бы, Эльдар Давидович, не хотелось с вами на службе личные дела обсуждать.

До благонравной Цветочной улицы ехали молча. Слезы на щеках льдисто покалывали, но я их не стирала, чтоб спутник не видел моего плача.

— В коляске обожди, — попросила я весело Эльдара и чуть не вприпрыжку, демонстрируя радость, побежала домой.

— Всенепременно, — согласился чародей, закрывая за собою дверь моей квартиры. — Обожду там, померзну... Геля!

Я бросилась ему на грудь.

— Охота тебе, Мамаев, со мною возиться!

— Ты мне друг, Попович. — Он гладил меня по голове, я хлюпала носом, уткнувшись в его шинель. — Я друзей не бросаю. Ну что ты расклеилась? Будь ты мужиком, я б тебя напоил, ты бы и выпустила наружу все, что накопилось. Но ты у нас барышня, хоть и суфражистка, да и на хорошую качественную попойку часа мало.

Под монотонное бормотание я немного успокоилась, перестала вздрагивать, сказала доверительно:

— Тошно мне Эльдар, ох как тошно. Вроде все правильно делаю, ни в чем душой не кривлю, а радости нет. Казалось, вот она, служба, о которой мечталось. Учись, Геля, работай...

— А тут Крестовский со своими амурами невпопад?

— Это я невпопад! Сама влюбилась, сама...

— Принизать себя не смей! — прикрикнул Мамаев. — И вину нелепую забудь.

— Ладно, — со вздохом отстранилась я. — Для качественного дамского рева часа не хватит. Помогите тогда вещи собрать.

Помощь заключалась в том, что чародей, распахнув дверцы гардероба, бросал в сундук все подряд. Я же жаловалась ему, присев на краешек кровати:

— Решать что-то надо, либо служба, либо любовь. А как тут решишь, когда ежедневно Семена перед собою вижу? Вот я и ухватилась за этот Крыжовень, чтоб отдалиться на время, мыслям потаенным простор дать.

— Звучит логично, — согласился Мамаев, — только вот слезы твои в эту картину не вписываются.

— Юлий Францевич к себе в тайный сыск служить зазывает.

— А ты?

— Я б пошла, но... Не знаю, как объяснить. Ну вот, представь, беседуем нынче утром, его высокопревосходительство господин Брют, по обыкновению, сама любезность. Обсуждаем дело о дамских обществах, что с сечня совмест-

но с тайными ведем. Слово за слово... Не хотите ли, Гелюшка, присутствие сменить? Ах, разумеется, чародейский сыск нынче в таких эмпиреях витает, под патронатом самого императора находится, не снизойдете до старика! Я натурально не успеваю ни словечка вставить, чтоб возразить прилично насчет возраста. Сама думаю, Геля, это ведь идеально получится! У тебя и служба будет, и с Семеном можно не расставаться. Но Брют продолжает. Шалун Семушка на повороте Юлика обскакал. Это он себя так называет — Юлик!

Мамаев хохотнул, захлопнул крышку сундука.

— И каких гадостей наш Юлик тебе еще отсыпал? От них рыдала?

— Сказал, Крестовский ваш — беспринципный интриган, который в амбициях своих не только через барышню влюбленную, но и через друзей перешагнет. И если я в то не верю...

Дальше слова не шли ни в какую.

— Геля! — вздохнул чародей. — Не тяни время, у нас извозчик заиндевел совсем от твоей нерешительности.

— Так пошли, — взялась я за ручку сундука. — Больше там нечего рассказывать.

— Точно?

— Точно, Мамаев, точно. У меня перманентное нервное расстройство на почве несовпадения желаний с возможностями случилось. Потому что после того, что мне Юлик, сиречь его высокопревосходительство, нынче наговорил, карьере в его тайном приказе я строить не намерена.

— Узнаю нашу Попович, — обрадовался Эльдар. — Теперь ручонки свои от багажа убери, тут на двух здоровых мужиков ноша.

— Уж не небрежение ли женским полом послышалось мне в ваших словах, господин «здоровый мужик»?

— Или одного чародея, — подмигнул Мамаев, щелкнул пальцами, и мой сундук воспарил в сажени над полом. — Дверь отвори.

— Небрежение женским полом вкупе с презрением к большинству, чародейской силы лишенному, — сказала я строго, но дверь открыла.

Сундук сам собою устроился на багажной полке фэатона, сердобольный Эльдар Давидович сунул извозчику свою дежурную фляжку с коньяком — для сугреву, сам-то, басурманин, не пьет, для других таскает, и мы поехали на вокзал.

Сегодня в столицу прибывает графиня Головина. Вот что еще я услышала от канцлера. Фрейлина Головина, гранд-дама в свите самой императрицы. Ева Головина, которую Семен любил, когда она еще не вышла замуж. Вдова Головина.

— Ровно к пяти после полудня примчится ко мне ваш великий Семушка, — сказал Юлий Францевич, — как прочтет записочку, что соперник его во сырой земле, а любезная Ева Георгиевна сызнова заневестилась, на крыльях к старику примчится.

Не то чтобы я ревновала. Семен Аристархович мужчина взрослый, разумеется, до встречи со мною не монашествовал. Подробностей не рассказывал, но это и так понятно. Про Еву упоминал просто, без аффектации. Юношеская любовь, соседка по даче, подружка сестры Сонечки. Рыженькая прелестница барышня Ключева. Я представляла себе совсем еще юного Семена в новом с иголочки офицерском мундире, он тогда только из кадетского корпуса вышел, и девицу рядом с ним восторженную. Евочка как раз собиралась на милосердную сестру выучиться, чтоб отечеству в самых горячих местах помогать. Время было беспокойное, в воздухе пахло близкой войной, на границах империи собирались вражьи войска. Сама-то я примерно тогда же дрались с деревенскими мальчишками за полудохлую кошку в родимом Орюпинске, так что никаких запахов не помню. Кошку я, кстати, выходила, Асимагари зовут из-за дивного сходства с яматайским демоном, до сих пор видом своим гостей наших с маменькой пугает. Но это так, к слову. У Семена же с барышней Ключевой все развивалось прилично

для их возраста и положения. Семен Аристархович был представлен родителям, одобрен господином Ключевым, учителем мокошьградской гимназии, и стал ухаживать с длительными перерывами на войну. Ева терпеливо ждала. А потом... Дальше показания путались, скрывались пеленою недомолвок. Он уже стал почти тем Крестовским, которого я знаю, познал чародейский источник в дальних магольских степях, продвинулся по службе, приобрел друзей, кое-какие связи, оставил военную карьеру, вернулся в столицу, готовился к свадьбе... Пробел. Барышня Ключева стоит у алтаря с графом Головиным, почетным сенатором и кавалером всевозможных орденов сорока годами себя старше.

Такая вот история. Единственное, что мне было в ней любопытно, закончила Ева в конце концов курсы милосердных сестер или нет. У Семена спросить постеснялась. Думала, встречу графиню Головину на заседании мокошьградского клуба суфражисток, поинтересуюсь между делом. Но ее сиятельство с лета в столице не бывала, супруг занемог, что в его возрасте дело вполне обычное. А теперь вот помер.

Я вздохнула. Фаэтон подъехал к зданию вокзала, и вспоминать дальше времени не было.

Это не ревность, Геля, абсолютно точно не ревность. Ты просто не хочешь видеть, как твой, или не совсем твой Крестовский меж двух рыжих зайцев мечется. Ты знаешь, каков он, знаешь, сколь важна ему карьера и дело, которому посвятил жизнь. И в этом ты ему, к сожалению, не помощник, в отличие от графини.

— Колдовать не буду, — решил Мамаев, помогая мне выйти из коляски, и кликнул носильщика.

Билеты в кассе нашлись, и даже первого класса.

— Револьвер-то прихватила? — спросил меня Эльдар на прощанье.

— Разумеется, — приподняла я муфту.

— На рожон не лезь, твое дело информацию собрать. Запахнет жареным — зови, Семка по земляной жиле нас на помощь к тебе протащит.

Я кивнула, оберег наш приказной для зова я носила на груди не снимая.

— Телеграфировать будешь ежедневно с отчетами. Доберешься до места, молнию отбей.

— Не увлекайся, дядюшка, наказами своими, — перебила я смеясь. — Не хватало еще так нелепо конспирацию рушить.

— И правда, — улыбнулся Мамаев.

Он развел в стороны руки с намерением, видимо, по берендийскому обычаю меня обнять, но замер в этой нелепой позе и протяжно присвистнул:

— Какие люди!

Я посмотрела. Толпа вокруг нас сновала изрядная, на соседний путь прибыл состав, встречающие махали букетами, кричали радостно, пассажиры покидали вагоны, тележки носильщиков громыхали железными колесами. По перрону, рассекая многолюдие на манер ледакольного корабельного носа, двигалась процессия. Четверка рослых молодых в мундирах тайного сыска, канцлер Брют, чей цилиндр едва доставал плеча ближайшего охранника, два Брютовых секретаря в штатском, пара жандармов, начальник вокзала со своим адъютантом и Семен Аристархович Крестовский, в чьих руках я заметила букет льдисто-белых цветов белокрыльника. Пристойный выбор для вдовицы.

Попытку мою прошмыгнуть в свой вагон пресек Эльдар Давидович:

— Не суетись, Попович, нас заметили.

Первым ко мне подлетел его высокопревосходительство.

— Евангелина Романовна, какая приятная неожиданная встреча!

Мамаев поклонился, косясь на вагонного, который вытянулся во фронт, дрожа от усердия.

Я присела в книксене, пробормотала:

— На задание отправляюсь, Юлий Францевич.

А про себя добавила: «Вы мне этим представлением всю конспирацию вот-вот порушите!»

— Куда? — удивился Брют громко. — Семен Аристархович ничего мне не рассказывал. Надолго?

— К слову, наверное, не пришлось, — посмотрела я на шефа. Он злился. — Неделя или две.

— По возвращении, Евангелина Романовна, извольте немедленно ко мне на ковер, — велел канцлер. — У меня для вас сюрприз.

— Разбалуете меня, ваше высокопревосходительство, — честно предупредила я, но быстро поправилась: — Всенепременно явлюсь.

— Ну что ж... — Юлий Францевич обернулся через плечо, бросил взгляд на даму в трауре, спускающуюся из вагона первого класса, хихикнул. — Желаю вам, надворный советник, исполнить задание с блеском.

Если бы он бросился обниматься на прощанье по старинному берендийскому обычаю, я бы, клянусь, лишилась чувств. Но обошлось. Канцлер залихватски прикоснулся к цилиндру и пошел к траурной даме.

Хороша была графиня Головина. Рыжая, томная, с влажными ореховыми глазами, пухлым ртом, острым прямым носиком и черными бровями вразлет. Рассмотреть все это великолепие удалось, оттого что при приближении Брюта графиня подняла с лица плотную черную вуаль.

— Что за самоуправство, Попович? — Шипение начальства отвлекло меня от разглядывания красот вдовицы. — Мамаев, ты совсем берега попутал?

Семен задержался и теперь по очереди прожигал нас гневными взглядами.

— Потом все объясню, — не испугался Эльдар. — Выбора не было.

Синие глаза остановились на мне. Я промолчала.

Графиня воскликнула, мило грассируя:

— Семен Аристархович! Семен! Сеня!

При первом же возгласе начальство ошутимо вздрогнуло и обернулось. Головина устремилась к нему навстречу, я попятилась к подножке своего вагона, Мамаев подал мне руку.

— Давай, букашечка, не мешкай, эдакой образцовой скорбью лучше из окна любоваться.

— Прощай, — взобралась я по ступеням.

Он помахал рукой. Сверху мне было видно, как Ева Головина рыдает на груди Крестовского. Он придерживал ее за плечи, белые бутоны белокрыльника красиво контрастировали с траурным нарядом.

В окне купе я смотреть не стала, даже шторы задернула, чтоб соблазна не ощутить.

Соберись, Геля, личные мысли долой. Ты на задании, а голова твоя таким образом устроена, что только одну думу помещать может.

Четверть часа до отправления я провела, прикрыв глаза и откинув голову на подголовник. «Блохин Степан Фомич — покойный пристав, чародей, подозрение на безумие, призыв к стихиям, мнемотехника, подпол, деньги, возможно, клад. Чародейские стекла. Зачем? Губешкина Захария Митрофановна, шестидесяти лет, мещанка, гадалка, творческий псевдоним — провидица Зара, черноглазая, чучело нетопыря. Ласкательно — Захарочка. Старая дева. Химеров Федор Игнатьевич, в Крыжовене, возможно, не проживает, мещанин, родом из Нижнеградской губернии, маклер паровозной компании», — повторяла я блокнотные записи. Память у меня зрительная, чтоб не забыть, мне сперва буквами все записать требуется, зато потом перечитывать не нужно.

Состав дернулся, гроыхнули сцепки вагонов, мы тронулись.

Крыжовень... Экая ты, Геля, дурында, ничего про городок заранее не вызнала — ни населения, ни живет с чего. Давай теперь, подключай воображение, с которым у тебя, если начистоту, не особо. Население, предположим, тысяч пять, иначе и городом бы не прозывался. Ветку железнодорожную недавно добросили, стало быть, торговля пошла бойчее. Торговля, следовательно, гильдейские купцы. Наверное, и улица у них там имеется чистая, с домами белокаменными. Ай, ладно. Что я, провинции в жизни не видала? Сама из нее происхожу.

Кожу на груди кольнуло, оберег потеплел. Кто-то из коллег чародейт, но на зов не похоже. Запахло скошенным лугом, теплым из-под коровы молоком и близкой грозой. Зорин, его колдовство. Я открыла глаза, увидела на коленях небольшой сверточек воощеной бумаги и зашуршала ею, ощущая, как подвеска-буковка остывает под корсажем платья. В свертке оказалась атласная коробочка, в какой ювелирные безделушки дарить принято и записка на розовой подарочной открытке. Твердым почерком Ивана Ивановича там стояло:

«Маленький презент чаровнице Жуже от трепетного дыхателя, на память о долгой кафешантанной ночи».

Я хихикнула. Ночь действительно была долгой. Мы с Зориным до самого рассвета филерами службу несли у кафешантана, влюбленную парочку изображали, он — купца заезжего, я, соответственно, развеселую девицу с собачьей кличкой. К слову, влюбленных изображать я предпочитаю именно с Иваном, за его широкой спиной и перекусить можно без опаски быть замеченной, и даже вздремнуть.

Что там? Любопытно...

На атласной подушечке лежала ракушка, похожая на домик улитки или вовсе на кукольное ухо. Поддев безделушку пальцем, я ее вытащила и рассмотрела со вниманием. Не ракушка — мрамор обточенный, размером с ноготь большого пальца, ни петельки для подвеса, ни резьбы для украшения, только глубокая борозда неправильным полукругом.

Открытка в левой руке вдруг вспыхнула зеленым чародейским огнем. Я вздрогнула, но пламя не обжигало, и вскоре на пол осыпалась горстка бумажного пепла. Осторожен наш Иван Иванович, следов не оставляет. Но оно и понятно. Супруга Зорина, Серафима Карповна, особа столь ревнивая, что попадись ей эта записочка на глаза, сначала приберет нас до смерти, изменщиков, а после разбираться будет. Разберется, остынет, поплачет о любезном Ванечке и подружке верной Евангелине. Может, и на том свете разыщет, чтоб из-

виниться, сил блаженной Серафиме хватит, только вот оживить обратно не сможет.

Обтерев пальцы о подол, я продолжала изучать вещицу. Ну хорошо, резьбы нет, а что насчет рун чародейских?

Рабочие очки привычно охватили дужкой переносицу, в глазах зарябило от мерцающих колдовских знаков. Так-так... Это амулет, производства кустарного, донельзя мощный. И куда мне его? Раз Зорин письменной инструкцией презент свой не сопроводил, стало быть, уверен, что сама догадаюсь. Вспоминай, Геля.

Кафешантан, нарядная толпа, афишная тумба, разносчик со сбитнем... Ты греешь руки о кружку, болтаешь весело, не забывая зыркать на дверь. Задание было выследить некую даму, отправившуюся на тайную встречу с некоей венценосной особой. Дама так и не явилась, вы до утра с Зориным мерзли, болтали о всяком. Ты еще жаловалась Ивану, что из-за его дел амурных окончательно с Жозефиной рассорилась. Жозефину, певичку знакомую нашу, Матреной на самом деле кличут, но это сейчас не важно. Я сетовала, что останься мы с нею приятельницами, можно было бы по очереди в ее уборной отогреться. А Зорин делал страшные глаза, представляя, что на эти «отогревания» его всевидящая супруга сказала бы. Она-то не в столице нынче, и явится не скоро, но прознала бы непременно. Я хохотала. Нет, не то... Вот! Через улицу два господина стояли вида самого злодейского. Иван, тоже их заметив, ниточку колдовскую протянул, чтоб нам их беседу подслушать удалось. Разговор там оказался пустой, не по нашей части, но само чародейство меня немало впечатлило.

— Давно хотела выучиться по губам читать, — сообщила я недовольно, — и даже умельца одного отыскала, мима заграничного. Только договориться с ним не смогла, говорит, тайна губочтения от отца к сыну в их семье передается и даже удочерять меня отказался.

— Что-нибудь для тебя придумаем, чаровница Жужа, — успокоил Иван, — фитюлька какую обучающую. Должен же я за дружбу девичью порушенную откупиться.

Фитюлька сейчас лежала на моей ладони и рунно мерцала. Куда мне тебя? Думай, Геля, недаром же в чародейском сыске служишь, хоть и не чародейка ни разу. Как коллеги твои разлюбезные говорят, подобное к подобному? Я приложила амулет к правому уху, он поместился точно в раковину, навреде каменных берушей. В этот момент дверь купе отъехала в сторону, на пороге воздвигся вагонный, молодой человек в железнодорожном мундире, поезд был не глумский, самый обычный, и обслуживался ведомственной бригадой.

— Барышня Попович? — спросил вагонный, сверяясь с билетами. — Следуете до Крыжовеня?

Его ломкий тенорок я прекрасно слышала левым ухом, в правом же звучал непривычно монотонный бас Ивана Ивановича, слово в слово повторявший фразы молодого человека.

— Все верно, — улыбнулась я и отвела взгляд в сторону. — Ждать ли мне попутчиков, любезный?

Стена купе была обита полосатым черно-желтым атласом, от двери до окна сорок полос.

— Что вы, барышня Попович! Никаких соседей, вы ведь за оба места заплатили.

Перфектно! Голос теперь я слышала лишь один, значит, фитюлька читает по губам. Ай да Зорин! Действительно обучающий амулет мне изготовил. Какая полезная вещица. Назову ее «жужа», в память о долгой кафешантанной ночи.

Вагонный меж тем приветствовал меня в качестве пассажирки, сообщил, что путешествие наше продлится трое суток, что к моим услугам в хвосте состава расположен ресторан с живой музыкой, а в голове — библиотека и гостиная, где мне предложат развлечься беседой и настольными тихими играми.

Когда взгляд мой останавливался на лице молодого человека, слова двоились. Я поблагодарила, уточнила время

ужина, и часы до оного провела за лицезрением бескрайных берендийских просторов за окном, заснеженных и несколько однообразных.

С коллегами мне невероятно повезло, и с Зориним, и с Мамаевым. Эльдар вон не поскупился, целое купе мне выкупил. А Иван Иванович вернулся в приказ, узнал у Митрофана, что я на задание уехала, и сразу подарочек мне сообразил, вещицу очень полезную. Мне же теперь только и останется с блеском работу исполнить, чтоб усилия их не пропали. И шеф. Его тоже подвести никак нельзя. Обелить покойного Блохина надобно.

Трое суток я провела в приличном безделии. Для сыскаря знакомство со всяким встречным-поперечным дело важнейшее, никогда не знаешь, где и когда тебе человек какой пригодится. Но я активничать опасалась, легенда моя пока была хлипкой. А ну кто из старожилов в беседу вступит, из Захарии Митрофановны знакомых, а я ляпну что-нибудь лишнее? Тем более что с «жужей» мы и так без улова не оставались. Мои одинокие трапезы у ресторанного окошка с прекрасным обзором на прочих жующих и беседующих пассажиров первого класса обогатили мой вокабуляр уймой забавных словечек. Дамы говорили о модах и жаловались на прислугу, господа обсуждали векселя и закладные, а также дам. Меня в том числе. Я была кокетка, рыжая бестия, гордячка, глазищи у меня были — «во!», и прелести наличествовали. Знакомиться подходили дважды, холеный офицер и пьяненький купчик в забавном котелке. Оба раза я молча отворачивалась, как бы говоря, что общение нахожу неприличным. Кавалеры прониклись и настойчивости не проявляли, первый класс все-таки. Вскорости я заметила, что некоторые слова могу различать и без помощи амулета. Библиотеку я тоже посетила. То есть гостиную с приколотенным к стене книжным шкафом. Там я разжила потрепаным дамским романчиком и толстенным «Справочником городов и селений Берендийской империи» за прошлый год.

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Глава первая</i> , в коей некий сыскарь с разбитым сердцем прибывает в провинциальный Крыжовень	5
<i>Глава вторая</i> , в коей происходит разведка на местности, обыск, розыск и арест	41
<i>Глава третья</i> , в коей барышня Попович почти теряет репутацию, но сеет семена суфражизма в душах уездных женоненавистников, ни на минуту не прерывая при этом дознания	75
<i>Глава четвертая</i> , в коей против Евангелины Романовны играет сила печатного слова, а сделку предлагает противная сторона	112
<i>Глава пятая</i> , в коей прием в солидном купеческом доме перетекает в прилежное разыскание	145
<i>Глава шестая</i> , в коей версии приобретают стройность, аресты не производятся, а расклады и обстоятельства меняются	187
<i>Глава седьмая</i> , в коей возникают два новых труппа, а Евангелина Романовна принимается за дело в официальном своем статусе	228
<i>Глава восьмая</i> , в коей производится арест, а надворная советница Попович вступает в должность пристава	264